

Р.Р.БАТЫРШИН

АГРАРНОЕ ДВИЖЕНИЕ В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА *

В статье анализируются проблемы взаимоотношений крестьянства Казанской губернии с частными земельными собственниками и представителями власти после Февральской революции 1917 года. На основе сообщений, постановлений и резолюций губернского и уездных комиссаров Временного правительства, крестьянских съездов и сельских сходов представлена динамика роста аграрных движений в губернии весной-летом 1917 года. Уже в первые месяцы после свержения монархии крестьяне приступили к активным действиям по перераспределению земли на уравнительных началах. К лету 1917 года уровень доверия к Временному правительству со стороны крестьянства стал резко падать. Статистика аграрных волнений в губернии неуклонно росла. Объектом внимания сельчан были не только земли помещиков, но и земли мелких собственников (зажиточных крестьян, хуторян и отрубников). Такая ситуация стимулировала обострение общенационального кризиса.

Ключевые слова: Февральская революция 1917 г., Казанская губерния, Временное правительство, крестьянство, частная собственность, захваты земли, погромы.

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ №18-49-160003 «Социокультурное пространство села Татарстана (2-я половина XIX – начало XXI вв.): история, традиции, хозяйствующие субъекты».*

Революционные события в Петрограде в конце февраля 1917 г. и свержение монархии не оставили равнодушным крестьянский мир. Последующие в течение года события стали для государства временем мучительного поиска выхода из глубочайшего системного кризиса, временем исторического выбора из ряда существовавших тогда альтернатив.

Выбор этот во многом определялся позицией крестьянства, его политическими настроениями, социальной активностью, отношением к предлагаемым различными партиями альтернативам. То, как будет воспринята новая политическая система массовым сознанием народа, основным представителем которого являлось общинное крестьянство, предопределяло расстановку сил и развитие событий от Февраля к Октябрю.

Процесс разрушения прежних государственных структур и формирование новых органов власти на провинциальном уровне носил затяжной и противоречивый характер.

Помимо отстранения от должности губернатора (казанский губернатор П.М.Боярский сложил свои полномочия 6 марта 1917 г.) и его помощников, были практически упразднены все силовые структуры губернии (ликвидированы корпус жандармов, департамент полиции и институты полицейского сыска).

В волостях, в отличие от Казани и крупных уездных центров обстановка была более спокойной, хотя и не менее напряженной. В селах и деревнях слухи о произошедшем в Петрограде перевороте были поначалу встречены сдержанно, однако уже весной в деревне развернулось широкое движение за преобразование сельской власти. Началось оно «снизу» по инициативе крестьянства и выражало стремление последних к полному искоренению старых порядков.

В сообщении Казанского губернского комиссара А.Н.Плотникова, от 23 апреля 1917 г., отмечалось: «В Спасском уезде были случаи самовольной запашки частновладельческих земель с захватом семян. В Лаишевском и Свияжском

уездах были отдельные случаи разгрома имений с расхищением хлеба и имущества. В Цивильском уезде были случаи просто разгрома имений, а также отобрания общинниками земель хуторян...» [1, с. 37].

Захваты частновладельческих земель, расхищение хлеба и порча имущества, весной 1917 г. были частыми явлениями в Казанской губернии.

Напряженную обстановку вокруг своего имения отмечает помещик с. Три-Озера Спасского уезда А.Молоствов, в своем обращении от 29 марта 1917 г. на имя министра-председателя Временного правительства Г.Е.Львова: «крестьяне решили снять из экономии всех служащих и отпустить военнопленных. В обществе крестьян есть агитаторы погромов, замешанные еще в 1905 г., которые и мутят народ...» [2].

В начале марта 1917 г., в Свяжском уезде крестьяне с. Турминское разграбили имение 88-летней помещицы В.И.Беликович. Любопытно, что возглавлял крестьянский погром священник Соловьев. Похожая картина повторилась в д. Крестниково Цивильского уезда, где местные крестьяне под угрозой расправы разгромили имение землевладелицы В.И.Есиповой. Также в марте, в Ядринском уезде крестьяне нескольких деревень разграбили хуторское хозяйство В.Гущина [1, с. 265-266, 383-384, 393].

По мнению А.Н.Плотникова причинами беспорядков были: «острое малоземелье, возбуждение населения ложными слухами неизвестными лицами, оторванность от центра, отсутствие на местах сознательного элемента и запоздание создания местных организаций» [1, с.37-38].

В аналитическом обзоре аграрного движения на местах, составленного летом 1917 г. Главным управлением по делам милиции МВД, отмечалось, что «беспорядки на аграрной почве вызывались... иногда желанием крестьян свести старые счеты с владельцами и администрацией отдельных экономий, иногда потребностью в семенах и продовольственных припасах, но, главным образом, возможностью получить желаемое сравнительно легко и безопасно, так как владельцы имений и их управляющие почти не оказывали сопротивления предъявляемым им требованиям» [3].

Крестьяне оценивали свои житейские пер-

спективы, прежде всего, с позиций отношения новой власти к вопросу о земле, которая, в свою очередь, не спешила с его решением.

Так, в «Декларации Временного правительства о его составе и задачах» от 3 марта 1917 г., аграрная проблема не была даже упомянута [4, с. 429-420].

Лишь после первых известий о начале аграрных волнений Временное правительство издало постановление от 19 марта, в котором указывалось, что: «Земельный вопрос не может быть проведен в жизнь путем какого-либо захвата. Насилие и грабежи самое дурное и самое опасное средство в области экономических отношений... Земельный вопрос должен быть решен путем закона, принятого народным представительством» [5].

Важная роль в решении крестьянского вопроса отводилась земельным комитетам, организация которых началась в соответствии с постановлением Временного правительства от 21 апреля 1917 г.

Призывая в своем обращении «спокойно, в сознании своей великой ответственности за будущее нашей Родины готовиться к приходу истинного устроителя земли русской...», Временное правительство объявляло об образовании губернских, уездных и волостных земельных комитетов, на которых возлагается «собрание сведений о местных земельных порядках и нуждах населения и в течение переходного времени до проведения земельной реформы в Учредительном собрании, решение споров и недоразумений по земельным делам» [6].

Между тем, поток жалоб частных владельцев на захватнические действия крестьян нарастал с каждым днем. Уговоры и увещевания местных властей, зачастую, не имели должного действия, нетерпение масс нарастало.

В майском отчете А.Н.Плотникова сообщалось: «Аграрное движение в губернии продолжается, причем попытки самоуправных действий в некоторых местах принимают характер серьезного перераспределения земельных ценностей, не ожидая законодательных об этом актов...» [1, с. 38-39].

Далее губернский комиссар уточняет: «В Лаишевском уезде в имении Нератовой толпа разгоняет служащих и вносит панику, в имении Степанова – Красногорке захвачена часть земли

с запретом помещику сеять. В имении Лихачева предъявлено требование об удалении управляющего и лесничего... В Пановке был случай разгрома имения: хлеб, службы сожгли, близ Лаишева сгорели запасы сена и кирпичные сараи... В Чистопольском уезде, в имениях Горталовых – самовольные запашки и засева...» [1, с. 38-39].

Крайне негативную роль в нагнетании напряженности между земельными собственниками и крестьянами играли солдаты-фронтовики, начавшие прибывать в деревню в начале 1917 года. Это были демобилизованные и раненные воины, приезжающие домой в отпуск, и дезертиры, численность которых постоянно возрастала. Солдаты нередко становились инициаторами конфликтных ситуаций в деревне. Как правило, такие акции носили спонтанный характер и больше были похожи на хулиганские выходки.

Так, 16 марта 1917 г. толпа крестьян д. Казыли Лаишевского уезда, во главе с двумя солдатами, вынудила, под угрозой расправы, покинуть свою должность земского начальника Берстеля, избив писмоводителя и обезоружила урядника [7].

Помощник Казанского уездного комиссара К. Остров, в предписании от 10 мая 1917 г. сообщал о противоправных действиях со стороны рядового-фронтовика П.И.Цыпленкова, который в д. Кишметево «снял с полевых работ крестьян и не позволял им работать на землевладельцу А.Н.Иванову... а также выгнал старосту Авдеева...» [1, с. 299].

Динамика прибытия дезертиров в тыловую Казанскую губернию, по выражению Д.И.Люкшина, была впечатляющей: только в январе 1917 г. на территории губернии было задержано и возвращено в строй 222 беглых солдата [8, с. 101].

Появление солдат в деревне во многих случаях становилось прелюдией к началу брожения среди крестьян.

Ситуация в деревне Казанской губернии стала неотъемлемой частью докладов и донесений местных чиновников Временного правительства. Сообщения об изъятии земли у землевладельцев, саботаже сельскохозяйственных работ, погромах, хищениях, и т.д. поступали Казанскому губернскому комиссару практически еже-

дневно. Постепенно причастность к категории земельных собственников становится общим критерием названия «враждебных» крестьянству сил, что наглядно проявилось в ходе деятельности земельных комитетов различных уровней, а также в ходе работы крестьянских съездов.

I съезд крестьянских депутатов Казанской губернии, который состоялся 6-13 мая 1917 г., наглядно продемонстрировал активное стремление крестьян влиять на ход политических событий.

Несмотря на формальное выражение политического доверия Временному правительству и согласие ждать созыва Учредительного собрания для окончательного решения аграрного вопроса, съезд фактически узаконил то, что явочным порядком уже делали крестьяне в уездах и волостях.

В последний день съезда было принято постановление о переходе всех земель в распоряжение волостных крестьянских комитетов, до разрешения земельного вопроса Учредительным собранием.

Для крестьянских комитетов была определена система переходных мер землепользования: ограничение землеустройства для различных групп частных землевладельцев (помещиков, крупных арендаторов из крестьян, хуторян и отрубников), учет неиспользованных земель и сдача их в аренду бедным крестьянам.

Таким образом, в Казанской губернии был формально узаконен «черный передел», а Казанский губернский съезд крестьянских депутатов стал локомотивом аграрной революции в крае.

Стремление скорейшего возврата земли в собственное пользование, осуществление которого напрямую увязывалось с крушением основ прежней государственности, только усиливало ощущение справедливости крестьянских требований. В крестьянском представлении право частной собственности на землю отменялось навсегда, а землепользование становилось уравнительным.

Крестьянские комитеты, съезды и советы Казанской губернии, проходившие весной-летом 1917 г. развернули активную дискуссию по земельному вопросу. Решения и постановления делегатов и уполномоченных на местах можно

условно разделить на радикальные, которые выходили далеко за пределы установок Всероссийского крестьянского съезда и съезда крестьянских депутатов Казанской губернии (Спасский уездный крестьянский съезд, волостные и сельские комитеты Лаишевского уезда), и умеренные, суть которых сводилась к тому, что все требования крестьян правомочно удовлетворить лишь Учредительное собрание (Тетюшский и Чистопольский уездный съезд крестьянских депутатов) [1, с.97; 9, с.54; 10, с.296].

Нередко крестьяне выбирали наиболее радикальные постановления комитетов и съездов и рассматривали их в качестве конкретных указаний по решению аграрного вопроса.

Подливали масло в огонь и представители партий (левые эсеры и большевики), которые дезинформировали крестьян на местах, намеренно неверно представляя постановления I Всероссийского съезда крестьянских депутатов (как, например, на Спасском уездном съезде, проходившем в конце мая 1917 г.) [10, с. 296].

Летом 1917 г. ситуация в деревне значительно осложнилась. Крестьянские советы и земельные комитеты настойчиво требовали от Временного правительства немедленного издания закона о переходе земли в распоряжение комитетов. Из губерний сообщали, что отстаивать политику Временного правительства очень трудно, что даже к лицам, призывавшим ждать Учредительного собрания, крестьяне относились с недоверием [11, с. 25].

Все чаще стали поступать сообщения об избиваниях представителей власти и общественности. Так, в 14 июня 1917 г. в г. Спаске «белобилетниками» был избит предводитель дворянства Л.В.Молоствов; 22 июня в г. Чебоксары кронштадтским матросом Халапсиным, солдатом Хабаровым, и др. был избит и временно арестован комиссар временного комитета Государственной Думы студент Россоловский; в д. Кульбаево-Мараса Чистопольского уезда вооруженная толпа крестьян сильно избивала представителей уездного комиссара [1, с. 58-61].

Временное правительство, пытавшееся удержать крестьян от насильственных действий (прежде всего, по изъятию земли у частных собственников), объявляло решения крестьянских

съездов незаконными. На места посылались эмиссары и специальные уполномоченные Временного правительства, но крестьяне не шли на уговоры и уступки.

Таким образом, Временное правительство оказалось в сложном положении: инициатива на местах явно опережала законотворческую деятельность центральных органов власти.

Медлительность Петрограда в принятии решений по земельному вопросу подталкивала крестьян к анархическим действиям, ставя под сомнение дальнейшее будущее института частной собственности на землю.

Литература:

1. Революционная борьба крестьян Казанской губернии накануне Октября: Сборник документов и материалов / сост. Н.М.Силаева. – Казань: Таткнигоиздат, 1958. 825 с.
2. НА РТ (Национальный архив Республики Татарстан) Ф. 1246. Оп. 1. Д. 74. Л.90.
3. ГА РФ (Государственный архив РФ). Ф. 4100. Оп. 3. Д.30. Л. 2об.
4. Революционное движение в России после свержения самодержавия / Под ред. Л.С.Гапоненко. – М., Изд-во Акад. Наук СССР, 1957. 857 с.
5. Вестник Временного правительства. Пг., 1917. 21 марта.
6. Сборник Указов и постановления Временного правительства. Пг., 1917. Вып. №1. С. 192-197.
7. НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д.54, Л.18-20.
8. Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. М., АИРО-XXI, 2006. 144 с.
9. Документы по истории Октября в Татарии (март 1917 – март 1918) / Сост. Л.В.Горохова, Н.М.Силаева, И.М.Ионенко. – Казань, Таткнигоиздат, 1973. 212 с.
10. Татария в борьбе за победу пролетарской революции (февраль-октябрь 1917 г.). Сборник документов и материалов / под ред. М.К.Мухарямова, В.П.Тимофеева, С.Н.Фомичева. – Казань, Таткнигоиздат, 1957. 510 с.
11. Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. – М., ООО Издательство «Стрелец», 2001. 400 с.

AGRARIAN MOVEMENT IN KAZAN PROVINCE AFTER THE FEBRUARY REVOLUTION 1917

[AGRARNOYE DVIZHENIYE V KAZANSKOY GUBERNII POSLE FEVRALSKOY REVOLYUTSII 1917 GODA]

Rustam BATYRSHIN

Candidate of historical sciences; Senior researcher; Institute Of Tatar Encyclopedia And Regional Studies; Tatarstan Academy Of Sciences; 420015, Kazan, st. Pushkin, 56; e-mail: bat81@inbox.ru

KEYWORDS:

February Revolution of 1917, Kazan province, Provisional Government, peasantry, private property, land grabs, riots.

ABSTRACT:

The article analyzes the problem of the relationship of the peasantry of the Kazan province with private land owners and authorities after the February revolution of 1917. On the basis of reports, decisions and resolutions of provincial and district commissioners of the Provisional government, farmers conventions and village meetings represented the growth dynamics of agrarian movement in the province in the spring and summer of 1917. In the first months after the overthrow of the monarchy, the peasants have begun active actions on the redistribution of land on egalitarian principles. By the summer of 1917 the level of trust in the Provisional government by the peasantry began to fall sharply. Statistics of agricultural unrest in the province has grown steadily. The object of attention of the villagers were not only the landowners, but also the land of small owners (wealthy peasants, farmers and females). This situation stimulated the aggravation of the national crisis.

REFERENCES:

The revolutionary struggle of the peasants of the Kazan province on the eve of October: Collection of documents and materials. (compiled by N.M.Silaev.) [Revolyutsionnaya bor'ba krest'yan Kazanskoj gubernii nakanune Oktyabrya: Sbornik dokumentov i materialov.] - Kazan: Tatknigoizdat, 1958. 825 p.

National Archive of the Republic of Tatarstan. [Natsionalny arkhiv Respubliki Tatarstan.] - F. 1246. Op. 1. D. 74. L.90.

State Archive of the Russian Federation. [Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoj Federatsii.] - F. 4100. Op. 3. D.30. L. 2ob.

The revolutionary movement in Russia after the overthrow of the autocracy (edited by L.S.Gaponenko.) [Revolyutsionnoye dvizheniye v Rossii posle sverzheniya samodержaviya.] - Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 1957. 857 p.

Herald of the Provisional Government. [Vestnik Vremennogo pravitelstva.] - Pg., 1917. March 21.

Collection of decrees and regulations of the Provisional Government. [Sbornik Ukazov i postanovleniy Vremennogo pravitelstva.] - Pg., 1917. Vol. №1. Pp. 192-197.

National Archive of the Republic of Tatarstan. [Natsionalny arkhiv Respubliki Tatarstan.] - F. 1246. Op. 1. D.54, L. 18-20.

Lukshin D. The second Russian distemper: the peasant dimension. [Vtoraya russkaya smuta: krestyanskoye izmereniye.] - Moscow, AIRO-XXI, 2006. 144 p.

Documents on the history of the October Revolution in Tataria (March 1917 - March 1918) (Compiled by L.V. Gorokhova, N.M.Silaeva, I.M.Ionenko.). [Dokumenty po istorii Oktyabrya v Tatarii (mart 1917 – mart 1918)] - Kazan, Tatknigoizdat, 1973. 212 p.

Tatars in the struggle for the victory of the proletarian revolution (February - October 1917). Collection of documents and materials (edited by M.K.Mukharyamov, V.P.Timofeev, S.N.Fomichev.). - Kazan, Tatknigoizdat, 1957. 510 p.

Osipova T.V. Russian peasantry in the revolution and civil war. [Rossiyskoye krestyanstvo v revolyutsii i grazhdanskoj voyne.] - Moscow, "Strelets" Publishing House, 2001. 400 p.
